

* * *

День прошел: ни хорош, ни плох.
Сколько их пройдет чередой?
Мой любимый, мой юный бог,
что же сделала ты со мной?

Злюсь, что я, как и все вокруг,
для тебя на одно лицо:
не отмеченный знаком друг,
не товарищ, в конце концов...

Я старался тебя постичь –
Бог свидетель! Хотел увлечь,
направляя тебя, как дичь,
в западни подстроенных встреч.

Ты уходишь. Твои глаза,
слава богу, уже не видны.
Лишь – надменность твоей спины,
как признание моей вины.

Мне знакомый хакер Петров
поскорее бы в памяти стер
скрип по снегу твоих шагов,
отзвучавших, как приговор.

Но – всегда ненавидел июнь.
Я не буду сходить с ума,
потому что придет июнь,
потому что уйдет зима.

И по коже сладкий мороз,
когда тронешь тебя, – пройдет.
За тебя поднимаю тост.
Скоро все-таки Новый год.

* * *

Опять отъезд туда, где много сил
берут дела и пьянство среди ночи.
Я, уезжая, ждать тебя просил,
но что-то ждешь меня уже не очень...

Твоя мечта – уйти от всяких дел,
от суеты, разлук, любви украдкой.
Да был бы я, как вам хотелось, смел,
я б не сидел над мятою тетрадкой.

Сбиваясь с «Вы» на дружеское «ты»,
я бы хотел прощать и быть прощеным,
настолько смелым быть, чтобы цветы
дарить в подъезде, плохо освещенном.

И вместе подниматься на этаж –
рука в руке испытывает токи,
и бьется пульс не мой, не твой, но наш.
И жизнь пока не выставляет сроки.

* * *

Ты бросила меня. Ты бросила меня,
как скучную игрушку на обочину,
как будто вдруг ты в суতোлке дня
прилюдно закатила мне пощечину.

Ты бросила меня. Ты бросила меня –
обертку от надкушенной конфеты.
Я в зеркале увидел свой синяк
сквозь дым недогоревшей сигареты.

Ну что ж, прощай! Прощай, мой вечный день
и август мой, единственно любимый!
Под солнцем заходящим моя тень
проходит тоже равнодушно мимо.

И не стараясь догонять ее,
посередине праздника прохлады
иду, теряя прошлое свое,
как листья затухающего сада.

И ЖИТЬ, КАК ЛЕС

Я снова жизнь хочу начать с листа,
помеченного робкой единицей.
С берез нападавшая желтая листва
мне прошуршит последнюю страницей.

О, как прекрасно все забыть во всем,
забыть свои отчаянья и вопли.
В жизнь из воды слепым ползти щенком,
который с недогляду недотоплен.

И жить, как лес, то молча, то шуметь,
и не скрывать волшебной силы муки,
когда от счастья хочешь умереть
и снова жить, воздев в молитве руки!

Из сборника «Переход на осеннее время» (Новосибирск, 1997)

* * *

Настанет время, и меня не станет.
Смешную верность больше не храня,
любимая, наплакавшись, обманет
еще недавно жившего меня.

Я одного мучительно не знаю,
и никому узнать не суждено:
боль от измены там я испытаю
или, увы, мне будет все равно?

* * *

Ты меня чересчур не разгадывай
и сама мне загадкой будь,
и в глаза мои так не заглядывай:
вдруг отыщется там что-нибудь?

Слышишь? Где-то тихонько пиликают,
пряча в звуках печаль бытия...
Ты и горе мое превеликое,
и огромная радость моя.

Радость – встречи с тобою греховные,
горе – скорый конец наших встреч.
Никакие утехи любовные
от разлуки не могут сберечь.

Мудрых слов моих старые глупости
остановит улыбка твоя.
И прошепчет «прощай» твоей юности
подступившая зрелость моя.

*Из сборника «Приворотное зелье»
(Москва, «Современный писатель», 1998)*

* * *

Ночь.
Навстречу летят и кричат о своем
поезда, как голодные волки.
Мне приснилось прекрасное тело твое
под качанье вагонной полки.

Грудь твоя,
твой живот,
твой любовный оскал
воспаленного ждали героя...
Встречный бешеный поезд в окно прокричал,
я проснулся, лишившись покоя.

Я в ночное окно опрокинул глаза:
ты ушла, а с тобою удача,
а с удачей погасла в окошке звезда...
Поезд замер в предчувствии плача.

Мне тебя не вернуть. Я лечу в никуда.
Простыня моя свесилась с полки,
словно флаг поражения, лишь поезда
мчатся встречу, как голодные волки.

* * *

Милая, милая!
Дай мне воды,
жажда меня замучила.
Запри за мной дверь
и вытри следы.

Я чучело,
чучело,
чучело...

Из сборника «О свойствах страсти» (Томск, 2000)

* * *

Какое чудо – рук прикосновенье.
Желанных рук.
Для одного тебя.
Я проживаю каждое мгновенье,
смакуя, наслаждаясь и любя.

Ты спрашиваешь тихо: «Я вам нравлюсь?».
На «Вы»? – Смешно.
Но «Да!», конечно, «Да!».
Ночной прохладой в окна рвется август,
и кажется, что счастье навсегда...

* * *

Вчерашних слов убавится весомость.
Угаснут сполохи страстей.
Важна не мысль.
Важна дорога к ней.
Как, например, важней любви влюбленность.

Из сборника «Роща» (Новосибирск, 2003)

* * *

Ухожу.
Не держись за прошлое –
миг прощанья неумолим.
Ты такая была хорошая,
что такой же будешь с другим.

Мне, наверное, нет прощенья.
Бог помирит меня с тобой.
Расставания – обновления,
даже если кому-то – боль.

Ухожу.
Облетают растения.

Ветер дует колючий, злой.
Обернусь.
Твое платье осеннее
так трепещет,
а я – чужой.

* * *

Как истончилась жизнь, как рвёт её на части!
Как тяжело просыпаться поутру.
Погонный метр собственного счастья
расхлестанно болтает на ветру.

И треплет его яростно и бешено,
а я его ловлю,
ловлю,
ловлю,
чтоб наконец-то быть на нём повешенным
и прохрипеть последнее «люблю!».

Из сборника «Способ бытия» (Томск, 2011)

МАРТ

Как хорошо быть смелым и умелым,
без зависти, не совершать грехи,
пусть даже глупым занимаясь делом –
писать стихи. Опять пишу стихи.

И надобность единственная гложет:
быть одному, и чтобы чистый лист,
и чтоб жена не досадила тоже,
зимою я индивидуалист.

Но как-то надо с мокротой душевной
до осени далекой завязать:
ведь в марте свет пронзительный и гневный,
что в полдень уже хочется летать.

И я взлечу, не дожидаясь лета,
жена сварливо вскинет кулаки.
Я счастлив, что весны дождался света,
поэтому прощайте, старики!

Любимая! Останься на века...

Владимир Бельчиков

Удивлен, жизнерадостно честен,
не сказать, что в себя углублен,
он был в Томске настолько уместен,
что немного – и Томском был он.

Кто, как он, у любимой попросит,
чтоб осталась она на века?
Кто вошел по-мальчишески в осень
и бравируя этим слегка?

С близорукой улыбкой нанайской
кто ж теперь по Тверской пробежит,
чтобы в церковь поспеть на Алтайской,
чтоб успели за нас отслужить –

за поэтов-друзей и за близких...
Торопясь, беспокоясь, он жил.
Я судьбе шлю поклон самый низкий,
что ты был и со мною дружил.

О тебе будут помнить, Володя.
Ты ушел. Станет в жизни темней.
Что ж поспешно так в нашем народе
гаснут лики любимых людей?

Из сборника «Среда» (Томск, 2013)

* * *

Стояли тоже холода,
как и сейчас стоят в апреле.
Жизнь проходила еле-еле,
почти не нужная тогда.

И только краешек весны
в душе запрятывался где-то,
чтоб все же наступило лето.
И чтоб нашли друг друга мы.

* * *

Бог ты мой! До чего он прост,
до чего он красив – мой мир!
Солнцем утренним капли рос
позолоченные внутри,
упадут на ладонь мою,
словно искры погасших звёзд.
Я в мой мир на ладонь смотрю...
Бог ты мой, до чего он прост.

Не вошедшее в сборники

* * *

Теряй тепло, дарованное мною,
твое тепло мне вряд ли растерять.
Взлететь с тобой!
Но это так немного,
когда ты вниз – к подушке, чтобы спать.
Ах! Как самодостаточно, жестока,
ты, молодость!
Все норовишь под дых
той зрелости, пришедшей позже срока,
чтоб сторонилась злых и молодых.
Со мной сам черт не уберег от встречи
тебя, не предназначенную мне,
и гвозди в мозг мой забивает вечер,
и вянет ночь не при моей луне.
Ищу ответа на пятно вопросов:
как умудриться жить и не стареть,
хотя настолько все смешно и просто,
что хочется прилечь и умереть.

* * *

Я ожог ощутил, огонь.
День был, кажется, без числа.
Подходи, я совсем другой,
я из любящего числа.

Хоть глаза мои долу, ниц,
но ты в скромность мою не верь.
Я люблю появление лиц,
ненавижу я лиц потерь.

Потому и небо – дугой.
В марте совесть моя чиста.
Подходи, я совсем другой.
Я из любящего числа.

* * *

Мне теперь не много надо.
Каждый день – подарок судьбы.
Ниоткуда не жду награды
и с собой не веду борьбы.

Я как тот дурачок блаженный,
что любой копеечке рад.
И не мною огонь зажженный
догорает в душе. И рать

до меня отошедших в Лету
так близка, как перо к листу.
Не страшусь. Смерть к лицу поэту,
как бессмертье ему к лицу.

И во всем себе потакая,
что теперь свой любой каприз:
вдруг негаданная – другая
приключится со мною жизнь!

Петербургские эскизы

ВЕРФИ

Речка Пряжка. Фонтанки устье.
Нет бутиков и ресторанов.
Украшают мое захолустье
птичьи шеи портовых кранов.

Рядом море, и верфи рядом,
где когда-то кричал сердито
Петр Великий о том, что надо
делать шхуны, а не корыта.

Но сейчас никого не слышно,
ни царей, ни бояр, ни присных.
Встали верфи, и это вышло
в декабре, где-то в первых числах.

Говорят, их в Кронштадт ссылают.
Места в городе не хватает.
Понастроят краснокирпичных
для богатых домов отличных.

Так что, верфи мои, прощайте!
Птичьи шеи под крылья спрячьте.
Или лучше на юг улетайте,
а по Питеру – что ж! – поплачьте.

Речка Пряжка, Фонтанки устье,
да и я – мы осиротеем.
Хоть и станем не захоlustьем,
а районом для богатеев.

7.02.12

АРИТМИЯ

Дергает что-то сердце
жилку в виске неритмично.
Мне бы успеть одеться,
выйти во двор прилично

и добрести до Фонтанки,
точнее, до парапета,
бросить в воду останки
чувств и дожить до рассвета.

Времени бы хватило
все прокрутить сначала.
Как ты меня схватила,
как ты не отпускала.

Выпила всю до капли
жизнь в сумасшедшем темпе.
Это любовь, не так ли?
Трудно быть в этой теме.

Особенно, если годы
лезут меж ребер наружу.

...Господи, сколько народу!
И это с утра и в стужу.

13.02.12

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Андрею Груздеву

Неясные, зыбкие сны
в начале апреля приходят,
хотя и прохладно в природе
и реки в плену у зимы.

Утрами, лишь только проснусь,
я сны эти вспомнить пытаюсь.
Но то ли склероз, то ли старость,
пойду-ка я лучше пройдусь.

И ветру подставив плечо,
я выйду в подтаявший город.
Конечно, мне семьдесят скоро,
но кажется – двадцать еще.

Меня, может, женщина ждёт,
я, может быть, ей интересен.
А Груздев напишет мне песню
и сам же её и споёт.

О том, как рассветные сны
в начале апреля приходят,
как зимы ворчливо уходят,
как реки текут из весны.

*Редколлегия журнала от души поздравляет
Николая Алексеевича с его 70-летием.
Желаем ему здоровья и творческих удач.*